

1

БЕГОМ ПО РАДУГЕ

Принц Руперт ехал на своем единороге сквозь дебри Чашобы. Злясь на моросящий дождь, он пытался рукой настигнуть блоху, затаившуюся где-то у него под нагрудником. Несмотря на холод и слякоть, он сильно вспотел под бременем своих доспехов, а на душе у него было тяжело.

— Отправляйся и убей дракона, сын мой, — сказал ему король Иоанн, и все придворные разом повеселели. Что ж, они могли себе это позволить. Не им вступать в роковую схватку, не им скакать через густые леса в полном вооружении, да еще в сезон дождей.

Блоха оказалась проворнее. Руперт вздохнул и поскреб голову под стальным шлемом. Однако это ничего не дало: вода по-прежнему струилась по шее и груди.

Высокие деревья стеной стояли по обе стороны узкой тропы, навевая зеленую тоску, которая была под стать настроению принца. Толстые ползучие растения обвивали каждый ствол, а потом матовыми лентами ниспадали с ветвей. Над Чашобой нависла тяжелая мрачная тишина. Не сновали в густых за-

рослях животные, не пели птицы. Слышались лишь шелест дождя да приглушенное цоканье копыт единорога. Из-за густой грязи и опавших листьев извилистая, вековой давности тропа стала еще коварнее, и единорог, который нес на себе принца Руперта, медленно пробирался вперед, скользя и оступаясь.

Руперт сердито поглядел на него и глубоко вздохнул. Всю жизнь его приводили в восторг славные подвиги предков, о которых ему сладкими голосами пели менестрели долгими зимними вечерами. Он вспоминал, как ребенком сидел у огня в тронном зале Лесного замка, широко распахнув глаза и раскрыв рот, и, замирая от ужаса, слушал сказки о великанах и гарпиях, волшебных мечях и перстнях, дающих силу. Завороженный легендами, Руперт еще в раннем детстве дал обет, что когда-нибудь станет героем, как его великий дядюшка Себастьян. Это он в свое время променял три года жизни на три желания, которые должны были освободить принцессу Илейн из Башни-без-дверей. Или как его дедушка Эдуард, который в одиночку осмелился сразиться с ужасной Ночной Ведьмой, поддерживавшей свою необычайную красоту омовениями в крови молоденьких девушек.

И вот наконец у принца появилась возможность самому стать героем со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но сейчас Руперт клял всех менестрелей на свете. Вольно им было распевать о героях, одним взмахом меча разивших дюжину врагов только потому, видите ли, что сердца их были непорочны, а помыслы чисты. Хотел бы он посмотреть на этих героев, когда дождь льет за шиворот, живот болит от незрелых фруктов и не знаешь, где

лучше вырыть ямку, чтоб ненадолго присесть. Есть множество способов стать героем, о которых менестрели никогда и не упоминали. Руперт совсем было всерьез занялся тем, чтобы привести себя в еще более отвратительное состояние духа, как вдруг единорог под ним пошатнулся.

— Стой прямо! — завопил принц.

Но единорог презрительно фыркнул:

— Тебе хорошо сидеть там, наверху, а мне приходится трудиться в поте лица. Латы, что надеты на тебе, весят никак не меньше тонны, и у меня смертельно болит спина.

— А я в седле уже третью неделю, — без тени сочувствия отозвался Руперт. — Но меня беспокоит отнюдь не спина.

Единорог фыркнул, а потом вдруг резко остановился, едва не стряхнув принца на землю. Руперт обеими руками вцепился в длинный, причудливо изогнутый рог, чтобы удержаться в седле.

— Почему мы остановились? Может, на тропе слишком много грязи? Боишься запачкать свои копытца?

— Если тебе пришла охота посмеяться, то лучше слезь с меня и иди пешком, — проворчал единорог. — А раз уж ты ничего не заметил, то имей в виду: тропу преграждает большая паутина.

Руперт тяжело вздохнул:

— Полагаю, ты хочешь, чтобы я ее убрал?

— Да, будь любезен, если это тебя не затруднит. — Единорог шаркнул копытом, и Руперт на короткий миг почувствовал приступ морской болезни. — Ты же знаешь мое отношение к паукам...

Руперт выругался и неловко сполз на землю. Доспехи его при каждом движении громко звенели.

Принц на добрых три дюйма погрузился в дорожную грязь и долго раскачивался и махал руками, пока не обрел равновесие. Он с усилием поднял забрало и принялся изучать громадную паутину. Толстые, молочного цвета нити преградили узкую тропу, и каждая нить была усеяна сверкающими, как драгоценные камни, каплями дождя. Руперт нахмурился. «Что же это за паук, который соткал такую огромную сеть?» Он осторожно шагнул вперед, вытащил меч и ткнул им в одну из нитей. Клинок крепко завяз, и принцу пришлось обеими руками его высвободить.

— Неплохое начало, — ехидно прокомментировал единорог.

Руперт проигнорировал эту реплику и задумчиво уставился на паутину. Чем дольше он смотрел на нее, тем меньше ему казалось, что эту сеть сплел паук. Узор не тот. Нити свивались в пряди, ниспадали струящимися лентами с ветвей, свешивались с нижних сучьев, превращаясь в массивные гроздья, а те, в свою очередь, зарывались в придорожную грязь. И тут Руперт почувствовал, как у него на затылке волосы встали дыбом: до него дошло, что, несмотря на отсутствие ветра, паутина постоянно вздрагивала!

— Руперт, — тихо позвал единорог.

— За нами следят?

— Да.

Руперт нахмурился и сделал мечом короткий взмах. Кто-то следовал за ними по пятам, едва только они въехали под полог леса, кто-то, прячущийся в тени и не осмеливающийся вылезти на свет. Руперт осторожно переступил, пытаясь нащупать ногами

тропу. Если дело дойдет до битвы, вязкая грязь создаст массу неудобств. Он снял шлем и положил его: узкие прорезы для глаз ограничивали поле зрения. Он быстро огляделся и вдруг застыл, увидев чей-то уродливый силуэт, мелькнувший среди деревьев. Создание было ростом с человека, но двигалось не как человек. И прежде чем оно скрылось в тени, луч света сверкнул на его клыке или когте. Дождь внезапно перешел в ливень, но принц не замечал хлещущей с неба воды: в его душе медленно поднимался холодный ужас.

За Чащобой землю окутывала тьма. С незапамятных времен в той части леса стояла вечная ночь. Солнечные лучи никогда не проникали сюда, и кто бы ни жил здесь, он никогда не видел дневного света. Ученые называли это место Черным лесом и предупреждали: «Там водятся демоны». Черный лес веками отделен был от Лесной земли Чащобой — смертоносной мешаниной из болот и шиповника. Здесь путника на каждом шагу подстерегала смерть, и немногие смогли избежать ее. Молчаливые хищники крались по своим потаенным тропам и затихали в ожидании неосторожной жертвы. А в последние несколько месяцев какие-то странные существа крадучись пробирались по Лесной земле, словно некие неуклюжие тени, боящиеся дневного света.

Бывало кто-нибудь из обитателей одинокой лесной хижины в час, когда солнце скрывалось за вершинами деревьев, слышал настойчивое царапанье в наглухо закрытые окна и ставни. По утрам жители обнаруживали глубокие выемки на дереве, а в сарае — искалеченных животных.

Руперт подавил страх и крепче стиснул рукоятку меча: блестя, острый клинок придал ему уверенности. Принц взглянул на темные облака, скрывающие солнце: один-единственный лучик света мог бы заставить эту тварь убраться в свое логово, однако Руперту, как обычно, не везло.

«Это всего лишь демон, — внушал себе Руперт. — На мне доспехи, и я хорошо владею мечом. У демона нет шансов на победу».

— Единорог-ог! — тихо позвал принц, глядя в ту сторону, где в последний раз видел демона. — Ты бы нашел дерево потолще и спрятался бы за ним. И держись подальше: я не хочу, чтобы ты пострадал.

— А я уже спрятался, — так же тихо отозвался единорог.

Руперт огляделся по сторонам и обнаружил его за толстым деревом на солидном от себя расстоянии.

— Трудно передать, как я тебе благодарен, — сказал Руперт. — А если мне понадобится твоя помощь?

— Тогда тебе придется несладко, — твердо заявил единорог, — ибо я не сдвинусь с места. Ты же знаешь, демоны пожирают единорогов.

— Демоны ничего не едят, — заметил Руперт.

— Ну-ну, — отозвался единорог и скрылся за деревом.

И принц в который раз поклялся найти человека, который продал ему эту скотину единорога, и доставить тому при встрече несколько неприятных минут.

Слева раздался легкий шорох, и Руперт не успел повернуться, как демон сзади напал на него. Из-за

тяжелых доспехов принц не удержался на ногах и упал вперед в липкую грязь. Неожиданный удар лишил его дыхания, а меч вылетел из вытянутой руки. Он мельком разглядел что-то темное и бесформенное. Когтистая лапа с силой пригнула принца к земле, и грязь залила ему глаза. Руперт отчаянно пытался подняться на ноги, однако его башмаки беспомощно скользили в густой трясине. Он изо всех сил пытался втянуть воздух в саднящие от боли легкие, но только жидкая грязь заливалась в его широко раскрытый рот.

Руперт дергался, порывался встать, но все было тщетно. Он уже почти испустил свой последний вздох, как вдруг услышал дикий невыносимый рев.

В этот миг принцу удалось высвободить правую руку, упереть ее в землю и перевернуться, всей тяжестью своих доспехов навалившись на извивающуюся тварь.

Минуты две Руперт лежал, прерывисто дыша и протирая глаза, потом громко позвал единорога, но ответа так и не дождался. Демон сначала неистово колотил в грудь принца кулаками, но вдруг его когтистая лапа взметнулась над лицом Руперта. Тот страдальчески застонал, почувствовав, как когти прошлись по его скулам, и попытался дотянуться до меча. Демон воспользовался движением Руперта и выскользнул из-под него. Принц быстро перекатился на бок, схватил меч и вскочил на ноги. Каждое движение давалось ему с трудом, по лицу и шее текла кровь. Пошатываясь, он стоял перед припадающим к земле демоном.

Во многом демон был похож на человека, но на удивление уродливого. Глаза его были лишены зрач-

ков, однако в них явственно читалась злоба. Демоны убивали ради того, чтобы жить, и жили для того, чтобы убивать.

Над лесом сгустилась тьма. Руперт крепко держал меч, заставляя себя думать о демоне как об обычном противнике. Но этот противник был сильным, быстрым и смертельно опасным. Надо выбраться на твердую почву: предательская трясина давала демону слишком много преимуществ. Принц осторожно шагнул вперед, а демон выставил когти и криво усмехнулся, обнажив ряды острых пилообразных зубов. Руперт взмахнул мечом, и демон отступил при виде сверкающей стали. Руперт быстро огляделся в поисках более твердой почвы и тут увидел нечто такое, что вселило в его сердце надежду.

Он зажал меч обеими руками, глубоко вздохнул, а потом со всего размаху обрушил его на припадающего к земле демона. Демон уклонился, правильно рассчитав направление удара. Руперт продолжал размахивать мечом, изо всех сил стараясь удерживаться на ногах и тесня врага к паутине. Демон ухмыльнулся, снова отпрыгнул и угодил прямо в сеть, которая преграждала тропу. Руперт в ужасе замер: толстые молочно-белые нити начали медленно обволакивать демона. Тот пытался разорвать нити, но вскоре принц услышал тихий страдальческий стон. Из паутины сочилась прозрачная вязкая жидкость. В том месте, где она попадала на землю, от нее шел пар. Руперт завороченно следил, как слабо сопротивляющийся демон исчезает в громадном коконе, который окутал его с головы до ног. Последние судорожные движения исчадия мрака — и паутина поглотила свою добычу.

Руперт устало опустил меч и оперся на него, отдыхая. У него ужасно болела спина. «Вот каково быть героем». Он мрачно усмехнулся и оглядел себя. Его великолепные доспехи были покрыты засохшей грязью, по щеке струилась кровь, а голова разрывалась от боли. Принц никогда не любил вида крови и постарался побыстрее стереть ее. Затем он вложил меч в ножны и тяжело опустился на обочину, не обращая внимания на хлюпающую грязь.

«В конце концов, все не так уж плохо», — подумал он. Немногим удавалось столкнуться лицом к лицу с демоном и остаться при этом в живых. Руперт поглядел на неподвижный кокон и поморщился. «Не самая героическая победа, но демон все же мертв, а я, Руперт, жив. Так оно и должно быть».

Он снял рукавицы и ощупал пальцами израненное лицо. Порезы, довольно глубокие, тянулись от уголка глаза до рта. «Надо бы промыть их в чистой воде, — подумал он. — Не хотелось бы, чтобы они воспалились». За время битвы дождь прекратился, но солнце уже клонилось к закату, тени сгущались. В конце лета темнота наступает быстрее. Тяжелые капли падали с длинных ветвей, а в неподвижном воздухе повис запах мускуса. Руперт еще раз взглянул на кокон и вздрогнул, припоминая, как близко он подошел к паутине, пытаясь проложить себе дорогу.

Принц вздохнул. «Устал я или нет, но пора пу-
скается в путь».

— Единорог! Где ты?

— Здесь, — донесся вежливый голос из густой тени.

— Ты сам выйдешь или мне прийти за тобой? — зарычал принц. Последовала недолгая пауза, и еди-

норог робко вышел на тропу. Руперт глядел на животное, не желавшее встречаться взглядом с хозяином.

— Где же ты был, когда я тут рисковал жизнью, сражаясь с демоном?

— Прятался, — последовал ответ. — Мне показалось это вполне логичным.

— Почему же ты не помог мне?

— Ну, — рассудительно заметил единорог, — если ты не умеешь работать мечом, то я не знаю, какую помощь могу тебе оказать.

Руперт вздохнул. Он очень скоро понял, что с этим единорогом бесполезно спорить.

— Как я выгляжу?

— Ужасно.

— Благодарю.

— Наверное, у тебя на лице останутся шрамы, — участливо произнес единорог.

— Только этого мне не хватало!

— А что? Я думаю, они будут выглядеть очень героически.

— Кто так думает, тому не мешает проверить это на себе. Проклятые менестрели... Помогите мне!

Единорог быстро подошел. Руперт протянул руку, крепко ухватился за стремя, медленно поднялся на ноги и устало прислонился к боку животного в ожидании, пока утихнет боль.

Единорог обеспокоенно взирал на хозяина. Принц Руперт был красивым, высоким молодым человеком, лет двадцати пяти, но в данную минуту он выглядел лет на двадцать старше. Его кожа приобрела сероватый оттенок, глаза лихорадочно блестели. Он был не в состоянии ехать верхом, но

единорог знал, что гордость заставит Руперта через силу взобраться в седло.

— Ру-перт... — сказал единорог.

— Чего?

— Почему бы тебе не пройти немного пешком? Ты же знаешь, я неустойчив в грязи.

— Да, — отозвался Руперт. — Это неплохая мысль. Так и сделаю.

Он протянул руку и взялся за уздечку. Голова его устало свешивалась на грудь. Медленно и осторожно единорог провел его мимо неподвижного конюшника, уводя глубже в дебри Чашобой.

Два дня спустя Руперт уже в седле быстро приближался к границе между Чашобой и Черным лесом. Боль почти прошла благодаря мешочку с травами, который ему насильно всучил перед отъездом придворный астролог. Раны на лице принца, похоже, быстро затягивались. В конце концов Руперт даже повеселел.

Предполагалось, что он должен убить дракона, но, по правде говоря, никто этого дракона никогда в жизни не видел, хотя в легендах об этих страшилищах говорилось довольно много. Руперт разочаровался также и в легендах: ему казалось, что в них уделяется слишком много внимания доблести и славе, но не содержится ни одного совета, как победить того или иного врага и остаться при этом в живых. «Ты победишь, ибо помыслы твои чисты и благородны» — не слишком-то помогают такие заклинания, когда идешь на дракона. «Держу пари, что он огнедышащий», — удрученно подумал Руперт. Принц как раз раздумывал над тем, как бы поскорее вернуться домой с почестями, но с наи-

меньшими потерями, но тут заявил о себе его мочевой пузырь. Руперт вздохнул и направил единорога к обочине. О таких вещах менестрели в своих песнях не упоминали.

Он торопливо принялся колдовать над сложной системой застёжек. Принц успел вовремя и, оросив ствол ближайшего дерева, громко присвистнул с чувством глубокого удовлетворения. «Если в моем питании в самом скором времени не появится должного разнообразия, — подумал принц, — я окажусь единственным в своем роде героем с вечно расстегнутой ширинкой».

Покончив с одним делом, Руперт принялся стаскивать с себя доспехи. Он только потому таскал на себе эти проклятые железки, что был уверен: так положено. «Дурацкая традиция», — подумал Руперт. По мере того как он сбрасывал одну за другой детали своей амуниции, настроение его улучшалось. Доспехи падали в придорожную грязь. Подумав немного, он решил оставить подбитые стальными гвоздями башмаки. «А вдруг мне понадобится кого-нибудь лягнуть?» Наконец, облаченный лишь в кожаный камзол, штаны и свой лучший плащ, Руперт почувствовал себя в первый раз за многие недели гораздо комфортнее. Но, надо признаться, и гораздо уязвимее. «Даже если мне и дальше будет сопутствовать удача, все равно придется держать ухо востро».

— Ненавижу траву, — мрачно заявил единорог.

— Тогда почему ты ее ешь? — спросил Руперт, пристегивая меч к поясу.

— Я голоден, — ответил единорог и продолжал с отвращением жевать. — А поскольку мы уже много недель лишены цивилизованной пищи...

— А чем тебя не устраивает трава? — мягко спросил Руперт. — Лошади все время ее едят.

— Но я не лошадь!

— А я этого и не говорил...

— Я чистокровный единорог и заслуживаю соответствующего ухода и внимания. Я люблю овес, ячмень и...

— Где ж их здесь возьмешь?

— Ненавижу траву, — повторил единорог. — Меня от нее раздувает.

— Попробуй чертополох, — предложил Руперт.

Единорог сурово поглядел на него.

— Неужели я похож на осла? — угрожающе спросил он.

Руперт отвернулся, чтобы скрыть улыбку, и тут обнаружил дюжину гоблинов, которые безмолвно выступили из тени и перекрыли им дорогу. Не более трех футов в высоту, тощие, остроухие, они были вооружены короткими ржавыми мечами и ножами с зазубренными краями, как у мясников. Неуклюже сидевшие на них бронзовые и серебряные латы были, несомненно, с чужого плеча, а противные ухмылки гоблинов явственно свидетельствовали о том, что случилось с прежними владельцами этих доспехов. Руперт вытащил свой меч и бесстрастно посмотрел на гоблинов. Те тоже обнажили оружие. Прошло несколько минут, но никто не пошевелился.

— Эй, вы, не стойте как истуканы! — прорычал низкий голос откуда-то из тьмы. — Взять его!

Гоблины нерешительно переминались с ноги на ногу.

— Ты видел когда-нибудь такой огромный меч? — спросил самый маленький из них.

— Взгляните на шрамы на его лице и засохшую кровь на латах, — с уважением прошептал другой гоблин. — Он, наверное, успел уже прирезать дюжину людей в какой-нибудь передраге.

Руперт непринужденно помахивал мечом, сталь угрожающе сверкнула. Гоблины сбились в кучу.

— По крайней мере, отберите у него лошадь, — предложил голос из тьмы.

— Лошадь?! — Единорог вскинул голову: в его налитых кровью глазах засверкала ярость. — Лошадь? А что, по-твоему, у меня на лбу? Украшение? Я — единорог, слышишь ты, недоумок?!

— Лошадь, единорог — какая разница?

Единорог тронул ногой землю и наклонил голову так, чтобы свет упал на его заостренный рог.

— Пусть будет единорог. А вы, лентяи, прекратите топтаться на месте и поймайте его!

— Хорошо тебе говорить, вожак, — пробормотал самый маленький гоблин.

Тем временем Руперт бросил изумленный взгляд на единорога.

— А я-то думал, что ты — всего лишь рассудительный трус.

— Но меня же оскорбили! — прорычал единорог. — Позже, когда придет время, я испугаюсь. А пока подвинь-ка ко мне поближе эту кучку букашек — я с наслаждением их передавлю. О, они не скоро забудут, кто я на самом деле!

Гоблины начали медленно отступать.

— Перестаньте мельтешить и прикончите наконец этого проклятого путника! — заревел голос из тени.

— Если хочешь, сам его убивай! — выпалил мальш-гоблин, озираясь в поисках тропинки, по кото-

рой можно было бы удрать. — Это все ты виноват. Надо было ловить его, пока он был безоружным, как мы обычно это делаем.

— Вам не хватает боевого опыта, дурачье!

— Неправда! Наше дело — неожиданное нападение с численным перевесом.

Из темноты раздался глубокий вздох, а затем вожак гоблинов величественно выступил из своего укрытия. Широкоплечий, с внушительными мускулами, почти пяти футов ростом, он был самым большим гоблином из когда-либо виденных Рупертом. Вожак затушил омерзительного вида сигару о свой покрытый ярью-медянкой нагрудник и уставился на своих подчиненных. Он снова вздохнул и укоризненно покачал головой.

— Вы только поглядите на себя! Как, по-вашему, я могу сделать из вас воинов, если вы не желаете драться? Чего вы испугались? Это всего лишь человек, и к тому же он один!

— А единорог? — заметил маленький гоблин.

— Ладно, один человек и один единорог. Ну и что? Мы же разбойники, вы разве забыли? Наше дело — подстергать беззащитных путников и отбирать у них все ценное.

— Но как раз этот путник мне не кажется беззащитным, — пробормотал гоблин-малявка. — Посмотри на его огромный меч!

Предводитель гоблинов с уважением взглянул на меч, а Руперт произвел несколько показательных ударов и выпадов. Единорог рысил туда-сюда за его спиной, нацеливая свой рог на гоблинов, что также не придавало им уверенности в себе.

— Слушайте, ребята! — в отчаянии воскликнул вожак. — Как можно бояться кого бы то ни было, едущего на единороге?

— А что мы можем с ним сделать? — спросил маленький гоблин. Вожак что-то шепнул своей стае, и принц отчетливо услышал слово «девственник». Гоблины уставились на Руперта, а кое-кто многозначительно захихикал.

Щеки принца против его воли стали пунцовыми.

— А, вот чего вы захотели. — Он взмахнул мечом и начисто срезал толстенную ветвь, висевшую над его головой. С глухим стуком она упала на землю.

— Класс! — пробормотал гоблин-малявка. — Теперь мы по-настоящему разозлили его.

— Заткнешься ты или нет? — зарычал вожак. — Нас здесь тринадцать, а он — один. Если мы все разом накинемся на него, то в любом случае победа за нами.

— Хочешь пари? — спросил чей-то голос из задних рядов.

— Молчать! Я ручаюсь за свои слова!

Вожак сделал шаг вперед, размахивая мечом, а остальные гоблины нехотя последовали за ним. Руперт шагнул ему навстречу и, точно рассчитав, одним ударом свалил предводителя гоблинов с ног. Остальные приостановились и, едва взглянув на своего поверженного лидера, быстро побросали оружие. Руперт отогнал гоблинов подальше от брошенных на землю мечей и прислонился к ближайшему дереву, решая, что делать дальше: ему вовсе не хотелось убивать этих незадачливых злодеев. Вожак гоблинов сел, помотал головой, чтобы прийти в себя, и уставился на Руперта, пытаясь придать себе воинственный вид. Однако в этом он не слишком преуспел.

— Я же говорил тебе: тринадцать — несчастливое число, — сказал самый маленький гоблин.

— Ну ладно, — произнес наконец Руперт. — Послушайте, что я вам скажу: вы убираетесь отсюда к чертовой бабушке и больше не пристаёте ко мне, а взамен я не отдаю вас на растерзание единорогу. Ну как вам такое предложение?

— Это справедливо, — поспешно проговорил самый маленький. — Вполне справедливо.

Остальные гоблины согласно закивали.

— А можно нам забрать свое оружие? — спросил вожак.

— Я что, похож на сумасшедшего? — улыбнулся Руперт.

Вожак пожал плечами:

— Не мешает проверить. Ну да ладно, господин герой: договорились.

— И вы не будете преследовать меня?

Вожак гоблинов сурово поглядел на него.

— Я что, похож на сумасшедшего? — ответил он в тон принцу. — У меня уйдет несколько недель на то, чтобы вернуть этим болванам воинственный пыл после того, что ты с ними сделал. Лично от себя добавлю, господин герой, что был бы очень рад никогда вас больше не видеть.

Он поднялся на ноги и повел свою притихшую команду обратно в гущу деревьев.

Руперт усмехнулся и вложил меч в ножны. Наконец-то он побывал в настоящей переделке!